

ФРИДРИХ ХЕЕР

СВЯЩЕННАЯ
РИМСКАЯ
ИМПЕРИЯ

ИСТОРИЯ СОЮЗА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ
ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО РАСПАДА

Фридрих Хеер

**Священная Римская
империя. История союза
европейских государств
от зарождения до распада**

«Центрполиграф»

1968

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Хеер Ф.

Священная Римская империя. История союза европейских государств от зарождения до распада / Ф. Хеер — «Центрполиграф», 1968

ISBN 978-5-9524-5982-3

Выдающийся австрийский писатель и публицист Фридрих Хеер прослеживает тысячелетнюю историю Священной Римской империи, начиная с коронации Карла Великого в 800 г. и заканчивая упразднением империи Францем II Габсбургом в ходе Наполеоновских войн. Автор прослеживает, как сменялись правящие династии, перемещались центры силы и с ними границы многонационального государства, описывает многовековое противостояние с Ватиканом, странами Запада и Востока, а также указывает на высокую степень политической и религиозной терпимости и неизменное стремление ее правителей к созданию объединенной Европы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5982-3

© Хеер Ф., 1968
© Центрполиграф, 1968

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Фридрих Хеер
Священная Римская империя
История союза европейских
государств от зарождения до распада

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

Глава 1

Sacrum Romanum Imperium

Священная Римская империя – для некоторых ее подданных в XVII и XVIII вв. это самое замечательное из всех творений, порожденных старой Европой, была «уродством», «остовом», «призраком» еще до ее окончательного уничтожения Французской революцией и Наполеоном. Во Франции, как и в Англии, средневековые хронисты и политические мыслители рано обрели привычку игнорировать империю как пустое место, хотя это не исключало сильного политического интереса к ее территориям. К концу эпохи Гогенштауфенов (1250 г.), если не раньше, папам, королям, князьям и политическим мыслителям было уже совершенно ясно, что в сердце Европы существует объединение, мощь которого почти иссякла, но которое тем не менее не уступило всем внешним и внутренним попыткам завладеть им точно так же, как оно не поддается категоризации политических теоретиков, мыслящих в рамках национального государства.

Короли и императоры преимущественно немецкого происхождения так же тщетно стремились к власти в этой империи, как и папы римские, которые были по рождению итальянцами или французами. Были моменты, когда имперские епископы и церковные выборщики осмеливались действовать в качестве правителей империи, как, например, Питер фон Аспельт, надгробная плита которого возвещает, что он был архиепископом, короновавшим двух князьков королями римлян. Церковная имперская аристократия имела своего светского двойника, тесно связанного с ней по крови, который тысячу лет – если включить сюда эпоху Каролингов – соперничал за власть в империи. Короли Англии, Франции и Испании конкурировали в борьбе за имперскую корону либо для себя, либо для побочных ветвей своих династий.

Были созданы большие и могущественные империи-соперники прямо на пороге империи или, по крайней мере, в открытой конфронтации с ней: вспомните государства, основанные норманнами на Сицилии и в Южной Италии, а также в Англии. Французская монархия покорила Францию своими «королевскими церквями», готическими соборами и с их помощью (готика была известна как «французский стиль») совершила свое первое культурное завоевание Европы. Парижский университет создал империю, в которой правил разум, интеллектуальную империю интеллигенции, одной из функций которой было готовить для европейских королей и принцев обученных чиновников и сподвижников. Франциск I, Людовик XIV, Наполеон считали себя законными наследниками Священной Римской империи.

Папы римские вели тысячелетнюю войну с императорами за право владеть Римом, папским государством и Италией и за главенство в церкви. Отголоски этого конфликта звучали до 1904 г., когда кардинал Пузина Краковский как представитель императора Австрии (в лучшем случае императора «тайной Священной Римской империи») наложил вето на избрание Рамполлы в папский конклав.

Люди почитали Священную Римскую империю как бастион, построенный против пришествия Антихриста. Император Священной Римской империи считал себя главным защитником церкви и всего христианского мира. Тем не менее у империи и ее императора не было более грозного соперника или на самом деле врага, чем папа римский. Более того, эта враждебность папы становилась тяжелее всего именно в те моменты, когда империя подвергалась самой серьезной опасности, проистекавшей от турок ли, французов или протестантов.

Если папа и французский король были соперниками за власть в империи, то таким же, а временами даже еще большим соперником им была Испания. Средневековых королей величали императорами по той причине, что они правили несколькими государствами. Эту честь они считали в порядке вещей. Принятие Испанией имперской короны как миссии и притязаний, которые эта миссия влекла за собой, было отложено до времен Карла V. Только тогда и

с изначальным нежеланием Испания приступила к строительству мировой империи, которая привезла двуглавого орла в Америку и через Тихий океан на Филиппины. Это была империя, в которой Мадрид всегда с беспокойством и недоверием следил за Веной, так как испанский «империализм» был наследником и соперником, другом и врагом Священной Римской империи. Обе империи – испанская и Священная Римская – увековечены в долларе и «долларовом империализме» наших дней. Доллар – это формальный потомок *Joachimstaler*, который на протяжении веков был валютой империи. Две вертикальные палочки и волнистая линия знака доллара – для многих это поистине священный символ – сначала украшали в качестве символа испанской монархии *taler*, сделанный из южноамериканского серебра. Вертикальные палочки символизируют Геркулесовы столбы, которые с легендарной загогулиной (волнистой линией) составляли священную политическую эмблему Карла V и его империи.

За испанской и Священной Римской империями кроется еще одна *imperium*, эмблема которой – прославленная строчка из «Четвертой эклоги» Вергилия, предсказывающая возрождение золотого века, – пророчество, которое люди в Средние века относили к Христу. Именно Вергилий как первый поэт-пророк Римской империи ведет Данте – поэта-пророка средневековой Священной Римской империи через ад и чистилище к порогу рая. Рай у Данте уходит своими корнями в дворцовый сад персидского царя, в первобытный век мировой монархии, и то же самое в каком-то смысле можно сказать о садах Версаля и Шёнбрунна. «Императорский желтый», который и в Пекине, и в Вене является цветом императора и предназначен исключительно для использования в императорских постройках, – это еще одно напоминание о том, что Священная Римская империя и ее преемница – австрийская имперская монархия принадлежали к такому государственному устройству, которое просуществовало пять тысяч лет.

В 1958 г. князь Карел Шварценберг, чьи предки числились среди князей империи, опубликовал исследование (*Adler und Drache*), в котором прослеживает символику этого пятитысячелетнего государственного устройства. Заключительное предложение гласит: «Пять тысяч лет измеряют путь, который пролетел имперский орел от храмовых башен Эриду к заходящему солнцу и вечерним туманам, окутывающим будущее атомного века». Посткоперникова эра началась с первых космических ракет. В не столь далеком будущем новый Колумб, *homo cosmonautus*, возможно, будет закладывать основы своего образа жизни в какой-нибудь галактике точно так же, как его предки когда-то создавали колонии сначала вокруг Средиземного моря, а позднее в двух Америках. Этот открытый космос бросает человеку вызов, который ему трудно выдержать.

Страхи перед иррациональным, перед пустотой и неизвестностью столь огромны, что их можно преодолеть, только действуя с помощью знаний и опыта. В прошлом экзистенциальное утверждение себя человеком было с готовностью облечено в военно-политические формы, которые со свержением пятитысячелетнего порядка становятся все более опасными. При старом порядке человек жил в том, что римляне называли *urbs deis hominibusque communis*, – домашнем хозяйстве, общем для богов, людей, зверей, всех живых существ. Возможно, были времена, когда это хозяйство было в явном беспорядке: в таком свете его видели и еврейский пророк в Ниневию, и римские поэты, и политики, которые пережили бесконечные гражданские войны, предшествовавшие триумфу Августа, и Данте, и средневековые немецкие мистики, и какой-нибудь Николай Кузанский, Лейбниц или Гёте. Этому великому сакрально-политическому порядку домашнего хозяйства постоянно угрожали или изнутри, или извне чужеземные захватчики, цареубийцы и изменники, претенденты на трон, правители, которые были либо слишком сильными, либо слишком слабыми. И тем не менее все эти враги и особенно те, которые были злейшими врагами этого порядка, стремились по-своему обновить его. Если они захватывали власть, то для того, чтобы заново установить ее преемственность. Так можно было сказать даже о Наполеоне и тех, которые пришли после него. Замысел Священной Римской империи как уникальной преграды пришествию Антихриста по-прежнему имел место в раз-

мышлениях Беллармина – одного из самых значительных папских теоретиков раннего современного периода; и что еще важнее, он также фигурирует в размышлениях конституциональных философов и теоретиков XVIII и XIX вв.

Идея того, что, пока существует Священная Римская империя – в одной из своих форм, если не она сама, – конец света и суд Божий будут отложены, являлась главной темой средневековых богословов Священной Римской империи, ее поэтов и литературных авторитетов в критические моменты ее истории. Это убеждение скрывало в себе понимание того, что Священная Римская империя – последнее проявление векового сакрально-политического порядка, в котором «боги», люди, звери и все живые существа живут вместе под защитой одной или нескольких великих династий. Эти династии были династиями мировых императоров – правителей, чьими символами до конца Священной Римской империи были символы, присущие Небесному владыке. Имперский орел был боевым штандартом во времена первых царей Месопотамии, а затем у шумеров; он шел в бой с римскими легионами и войсками Фридриха II Гогенштауфена точно так же, как в сражениях Первой мировой войны он сопровождал армии и его апостольского величества императора Австрии, и царя Всея Руси. Двуглавый орел, официально включенный в герб империи в XV в. во время правления Сигизмунда, впервые был обнаружен в Месопотамии. Наша семидневная неделя есть священное деление времени, регулируемое семью халдейскими планетными божествами, и мы населяем священные места, которые стали безопасными благодаря охраняющей силе старых богов и их представителей на земле.

Священная империя, находившаяся под постоянной угрозой распада и крушения (*desidia* в документах Гогенштауфенов), снова и снова нуждалась в защите и возрождении – *renovatio*. Отсюда и программирующие имена, которые брали себе многие императоры-короли, – имена, призывающие на помощь предков-спасителей, которых надеялись воплотить в себе их потомки. Ассирийские, вавилонские и египетские правители – все они использовали программирующие имена – некоторые из них носили довольно революционный характер, как имя фараона Аменофиса IV (1383–1365 до н. э.). Он назвал себя Эхнатомом, что означает «луч солнца», и сочинил гимн солнцу, который слово в слово повторен в псалме 104. Не зная об этом, многие христиане все еще читают молитву этому правителю солнца: «...все взоры устремлены на Тебя, Господи...» как благодать перед принятием пищи.

Недавние раскопки под собором Святого Петра явили миру мозаичное изображение бога солнца на колеснице, датируемое III в.; с одной стороны его фигуры написано слово *helios* (солнце), с другой – *Christus*. Если Иисус Христос был «истинным солнцем» и Небесным владыкой, то кому в Европе было дано право как его истинному преемнику носить его мантию и держать его символы власти? Был это император или папа римский? Между XI и XIII вв. соперничество этих двух сил приобрело все более устрашающий характер. Это соперничество закончилось в 1250 г. с крахом старой империи. За этим последовал полвека спустя «вавилонский плен церкви», что означало переезд папы римского в Авиньон, где он находился под каблуком французского короля.

Парадность, расточительство и пышность неотделимы от прославления императора и церемоний хоть в Риме времен Августа, хоть в Византии или Вене. Мы лучше поймем, почему это так, когда примем во внимание, что их основная цель состояла в том, чтобы восполнить данные солнцем величие и силу Священной империи, которой, казалось, постоянно угрожают полчища врагов и упадок. Сияние, которое окружает императора Византии и присутствует на раннесредневековых портретах, является аурой (*Hvarna*) – небесным светом победы, исходящим от мощи солнца, которое сверкает над головой царя Персии. Знак креста, который привел основателя и империи, и папства как христианских мировых сил Константина к победе у Мульвийского моста, уже висит на шее ассирийского царя: для него крест символизировал солнце и четыре стороны света; он носил крест как знак силы и спасения. Владычество над миром означало власть, простирающуюся на четыре части света.

Время – декабрь 1916 г., место действия – Будапешт, куда Карл I Австрийский прибыл на свою коронацию королем Венгрии. (В этот же день был получен негативный ответ от союзников искателям мира, посланным Австро-Венгрией и Германией.) Карл коронован священной короной святого Иштвана (отчасти византийской, отчасти папской по происхождению и стоявшей наравне с имперской короной), и ему вручен меч святого Иштвана. Он дает присягу своему королевству Венгрия. Паладины предлагают ему древний меч Священной Римской империи – императорский меч святого Маврикия, который был изготовлен, вероятно, для императора Генриха III. На одной стороне рукояти меча выгравированы строки из древней победной песни Христу из breviария «Лаудес», спетой однажды после коронации императора: *Christus vincit – Christus regnet – Christus imperat*. Последующая церемония проходит на Санкт-Георг-плац, где был насыпан холм из земли, присланной в сундуках из всех уголков Венгрии (поговаривали, что в державе Священной Римской империи содержится земля с четырех сторон земного шара). Как приличествует королю народа всадников, когда-то азиатскому, а теперь вовлеченному в европейские традиции, Карл едет верхом на коне вверх по этому холму и с его вершины потрясает мечом на все четыре стороны света, что символизирует притязания мадьяр на мировое господство.

Карл I, император Австрии и король Венгрии, был последним, кто носил спасительное имя Карл Великий, к которому зывали столь многие «реставраторы» Священной Римской империи от императоров-Оттонов до Гогенштауфенов, от Максимилиана I до Наполеона. Карл – имя такое же программирующее, как и Валтасар (имя последнего царя Вавилона, которое означает «да защитит Господь короля»). В XIX и XX вв. Бог уже не защищал императоров и королей старых империй. Последнее четверостишие знаменитого стихотворения Гейне «Валтасар» было найдено нацарапанным на стене подвала, в котором была расстреляна царская семья (*Belsazer ward aber in selbigen Nacht von seinen Knechten umgebracht* – и в ту же ночь Валтасар был убит своими слугами). Еще в 1881 г. население Египта внезапно охватил извечный плач по мертвым, когда в Каир были привезены мумии фараонов, пролежавшие три тысячи лет в изоляции в Долине царей. В начале этого века Гейне упомянул в своем произведении *Reisebilder* («Путевые картины») небольшой инцидент, произошедший в Мексике. Буллок откопал древнее каменное изображение языческих времен; на следующее утро он обнаружил на нем венок из цветов. «И это, – пишет Гейне, – после того, как испанцы огнем и мечом уничтожили старую религию мексиканцев и три века занимались обработкой их душ, вспахивая их и сея семена христианства». Теперь в руинах лежат изображения императоров. Историки склонны быть пророками после произошедших событий (а в наши дни иногда и до них), но они не могут знать, какое место в порядке власти займет в психике народов та роль, которую последние пять тысяч лет играли великие династии священных империй. Будет ли «император Америки» (помимо того, которого представлял себе Джордж Бернанд Шоу)? Или, быть может, император Атом? Международные конференции Комиссии ООН по атомной энергии проходят в венском Хофбурге всего в нескольких шагах от места хранения императорской короны. В 1938 г. Гитлер приказал перевезти корону из Вены в Нюрнберг, где она уже хранилась когда-то: с 1424 по 1796 г. Кеннеди, Хрущев, шах Персии, многие другие правители, ведущие государственные деятели, президенты, претенденты на трон и диктаторы стояли в наши дни перед императорской короной Священной Римской империи.

Примитивные формы императорских символов можно найти в Шумерской, Вавилонской и Ассирийской империях. Корона изображает головной убор Небесного владыки. Скипетр, держава, меч и усыпанная звездами мантия символизируют притязания на то, чтобы править Вселенной. Одежания – это облачения первосвященника, трон – победная колесница. Рисунки *trionfi* (итальянские игральные карты XV в. с аллегорическим содержанием, которые использовались в играх тарокки. – *Пер.*), сделанные Дюрером и другими немецкими художниками Возрождения для Максимилиана I, *grandes entrées* (привилегия входить в покои короля

в определенные часы. – *Пер.*) в честь Карла V восходят к церемонному торжественному проносу изображений короля-бога в священных мировых империях, предшествовавших Священной Римской империи. В торжественной процессии император едет верхом под балдахином, символизирующим небо или Небеса. Будь то в Вавилоне или Вене времен Франца Иосифа, правитель должен провести священный молитвенный ритуал и литургию. (То, как сильно все изменилось после победы папской власти, показывает тот факт, что место под балдахином в процессии во время праздника Тела Христова с той поры было предназначено для «Святейшего», которого несли священники, а императору оставалось идти позади.) Император занимается государственными делами, охотится, ведет войны, чтит священных предков. Священная империя – это сообщество, в котором неразрывно связаны пиры, праздники, войны, «военные драмы», учебные сражения и охота. Все это будет повторяться на протяжении тысячелетней истории Священной Римской империи. Франц Иосиф – последний император древнего рода – был таким же Нимродом, как и сам Нимрод.

День рождения императора Франца Иосифа – 18 августа: в этот день было чистое, голубое небо. Вера в то, что хорошие урожаи, хорошая погода, гармония на земле зависят от правителя, была характерна для ирландских и англосаксонских монахов и других интеллектуалов, которые были частыми гостями при дворе Каролингов, и бытовала в древних империях на берегах Евфрата и Нила, а также в среде «черных и желтых» (имперских верноподданных) Дунайской монархии. Правитель был гарантом того, что эти блага не иссякнут, гарантом прочного мира.

Этот мир должен был быть вселенским, охватывая и небеса и землю. На земле функция дарителя мира как функция Небесного владыки осуществлялась императором, избранным Богом. Империя была федерацией народов во главе с императором, в которой царил *concordia provinciarum*, то есть гармония между ее членами. Хартии императоров Священной Римской империи призывают к Единой и Неделимой Троице и обещают мир тем, кто «верен Богу и империи», используя священный лозунг, который уходит корнями в древнеримские и доримские времена. На Версальской мирной конференции португальский делегат (профессор древнего университета в Коимбре) безуспешно предлагал, чтобы договоры, которые должны были положить конец Первой мировой войне (но не добились этого), начинались с воззвания к Троице.

Для своих *fideles* Священная Римская империя была территорией, на которой царил мир. Мир внутри империи был необходим для борьбы с «неверными», «язычниками» (*gentes* в Библии) и «еретиками». Согласно своему собственному толкованию своих обязанностей, император был верховным защитником и покровителем церкви. Здесь была трудноразрешимая почва для конфликта. Как именно должен был император осуществлять свое покровительство церкви? Давало ли это ему какие-то права, хотя бы рассматриваемые изначально исключительно как «светские», в отношении папы и его владений? Какова должна была быть реакция папы на такое высокое и чрезвычайно опасное покровительство? Что дало Священной Римской империи такое название? Произошло ли оно от Энея, от того *pius Aeneas* (благочестивого Энея – *лат.*), в честь которого Эней Сильвио Пикколomini – бывший секретарь императора Фридриха III – назвал себя Пием, став папой римским? Произошло ли оно от Цезаря? От Августа, установившего мир и порядок в годы своего правления, которого чтят в Средние века, потому что он подготовил дорогу к *Pax Christi*? Произошло ли оно от самого Христа, который даровал мирской меч императору и духовный меч папе для управления христианским миром? От святого Петра? От папского престола?

Карл Великий, которого все императоры Священной Римской империи считали своим прославленным предком, взял себе титул не римского императора, а «императора, правящего Римской империей». Мы верим Эйнхарду, что «римские императоры» были бы сильно недовольны учреждением второй императорской должности посредством коронации Карла в Рождество 800 г. Эти римские императоры были порфирородными императорами, возведенными на престол во «втором Риме» – Золотом городе на Золотом Роге, иными словами, в Константи-

нополе. Проблема, могут ли существовать два императора, будет волновать умы многих государственных деятелей на Западе в будущем.

В официальном венском правительственном бюллетене от 15 августа 1804 г. содержится жалованная грамота, опубликованная от имени пятьдесят пятого римского императора Франца II. Будучи уже «постоянным расширителем империи, королем Германии, Венгрии, Богемии, Галисии и Лодомерии, архиепископом Австрийским, герцогом Бургундским и Лотарингским, великим герцогом Тосканским и т. д.», этот римский император теперь брал для себя и своих преемников в наследных владениях Габсбургов дополнительный титул «император Австрии». В начале того же года, в мае, Наполеон был провозглашен «императором французов». 2 декабря в присутствии папы римского он короновался в соборе Парижской Богоматери. 7 декабря жалованная грамота на титул императора Австрийского была торжественно провозглашена с крытой галереи церкви Ам-Хоф в Вене. Годом позже – 2 декабря 1805 г. – Наполеон нанес тяжелое поражение австрийской и российской армиям у Аустерлица. Теперь он мог приступить к окончательному разрушению старой империи. Он убедил ряд немецких князей объединиться в Рейнский союз, который затем заявил о своем выходе из империи. Затем Франца II призвали снять с себя императорскую корону в таких угрожающих выражениях, что у него не оставалось никакого иного выбора, кроме как подчиниться. И он сделал это 6 августа 1806 г., а вместе с этим он аннулировал «Римскую империю», не имея на то юридического обоснования.

В феврале 1806 г. Наполеон заставил своего дядю – кардинала Флеша – внушить церкви, что он «истинный Карл Великий, меч церкви и ее император».

Париж не забыл победы, завоеванные Наполеоном; они увековечены в памятниках, названиях улиц и площадей и даже станциях метро. Париж наравне с Римом, Мадридом, Веной и Лондоном утверждает старые притязания французских королей на то, что они истинные преемники Карла Великого. «Истинные франки» – это не «немецкие франки», а французы. Немецкие князья стали франками благодаря их коронации в Ахене (Экс-ла-Шапель) – резиденции императора или во Франкфурте – городе Карла. Король римлян был «франкским» до конца (свидетельством тому рассказ Гёте о коронации Иосифа II во Франкфурте в 1764 г.); фундамент Священной Римской империи был заложен Каролингами. «Франкский», «римский» и «христианский» – эти слова стали означать «римско-католический». Как же все это произошло с исторической точки зрения?

Глава 2

Империя Карла Великого

Мы не знаем, где родился Карл Великий, а также не знаем с полной уверенностью когда, хотя, вероятно, это произошло 2 апреля 742 г. Он умер 28 января 814 г. в Ахене, который был местом паломничества христианских императоров, королей, князей и властителей на протяжении более тысячи лет. Короли в Париже (и даже короли Англии) удостаивали его своих даров. Людовик XIV положил на него глаз. Именно в Ахене Черчилль получил премию имени Карла Великого. Карл Великий в 1945 г. стал покровителем западноевропейской федерации, основанной на франко-немецком кондоминиуме и потенциале промышленных государств Европейского экономического сообщества.

Карл Великий построил европейскую империю, которая распалась вскоре после его смерти. Однако структуры Европы Каролингов определяли основные черты европейской политической и общественной жизни и институты церкви, культуры и образования в Европе до 1806 г. и оказывали свое влияние до 1914 г. Вне этой Европы остались Скандинавские страны, Британские острова, исламский средиземноморский регион и та часть Восточной Европы, откуда большой соперник – имперская монархия ромеев в Константинополе – отражала и отклоняла удары Европы Каролингов, а позже и перешла в контрнаступление. Эта «другая» Европа противостояла папской, «франкской» Европе Каролингов в Италии и на Балканах (вплоть до глубокого Средневековья почти до ворот Вены, так как у Восточной церкви имелись монастыри в Паннонии), в Моравии и в отдельных регионах России. Важно, что для византийцев и мусульман Ближнего Востока и гораздо позже для индусов и азиатов все западные европейцы были «франками». Карл Великий с помощью своих солдат-франков, епископов и монахов (последние вели свою собственную мини-войну против ирландских и англосаксонских монахов-миссионеров и епископов) и своих имперских чиновников построил *imperium*, проведя ряд тяжелых войн. Воцарение мира в империи (во времена Карла на западе она называлась *imperium Romanorum atque Francorum*) зависело от ведения войн, хотя до Тридцатилетней войны – первой полномасштабной европейской войны – все войны ограничивались небольшими территориями и по современным меркам вовлекали очень небольшие вооруженные силы.

Самыми значительными достижениями Карла, которые привели к образованию германского ядра Европы, были покорение саксов и уничтожение «племенного герцогства» Бавария, которое в лице Тассило имело своего последнего великого вождя. Старые саксонцы (не путать с жителями более позднего курфюршества или современными жителями Саксонии) населяли регионы между Вестфалией и Гольштейном, которые в будущем войдут в состав Германии; у них была своя языческая культура, и их лидерами были сильные и самоуверенные представители аристократии.

Их насильственное обращение в христианство руками Карла Великого вскоре сделало простых саксов приверженцами империи и превратило их в германцев и европейцев. Начиная с некоторых современников Карла, летописцы и критики на протяжении веков неустанно подчеркивали насильственный способ обращения в христианство. Даже в наши дни двойной аспект этого религиозно-политического включения саксов в Европу Карла Великого по-прежнему заслуживает пристального внимания. Именно саксы – саксонские епископы, аббаты и аббатисы, мужчины и женщины благородного происхождения, церковнослужители и миряне – построили Священную Римскую империю заново в X в. после того, как ее постиг крах под властью преемников Карла. Без своего саксонского фундамента тысячелетняя империя немислима. В X и XI вв. во времена Оттонов христианские культура, литература, архитектура и

духовность были уникальными и главными в Европе. Без христианской Саксонии не было бы Европы, не было бы Священной Римской империи. Но раны были глубоки и не зажили полностью. Соппротивление империи и Риму, римскому католицизму и латинской культуре имело глубокие корни в этих когда-то саксонских землях до времен Гитлера; именно здесь он сумел создать свой первый и самый прочный оплот в Северной Германии. За сто лет до Гитлера Генрих Гейне уже заметил это ментальное глубинное течение: «Говорят, что в Вестфалии еще есть старики, которые знают, где лежат в земле древние изображения богов; они рассказывают об этом своим самым младшим внукам, лежа на смертном одре, и те затем хранят этот драгоценный секрет в своей саксонской груди. В Вестфалии, которая когда-то была Саксонией, не все то, что захоронено, мертво. Человек, блуждающий в древних дубовых рощах, может все еще услышать звук голосов из далекой старины, уловить эхо тех таинственно звучащих песнопений, которые больше полны жизнью, чем вся литература маркграфства Бранденбургского. Однажды, когда я сам бродил по этим лесам, я прошел вблизи многовекового Зигбурга, и непостижимый трепет охватил мою душу. „Здесь, – сказал мой проводник, – когда-то жил король Видукин“, и он глубоко вздохнул. Он был простым лесорубом и имел при себе огромный топор. В решающий момент, я не сомневаюсь, он даже сейчас нанес бы удар за короля Видукинда; и горе тому черепу, на который падет его топор!» («Духи природы», 1836).

В 785 г. вождь саксов Видукин (Виттекин) был крещен «по своей доброй воле». Саксонские территории были вынуждены принять христианское религиозное устройство и суровое правление франков. Веками позже Карл IV Люксембургский, который был первым и единственным императором между Оттоном IV и крахом старой империи, ступившим на землю Северной Германии, в рамках своей общей политики примирения (между германцами и чехами, Римом и Восточным Римом) предпринял попытку во второй раз установить мир между Видукингом и своим собственным прославленным «предком» – Карлом Великим. Обнаружив, что могила саксонского герцога обветшала, Карл IV приказал восстановить памятник и поместить на могильную плиту гербовые знаки Карла Великого и Богемии. Эта политика примирения распространила его влияние как на прошлое (которое, несмотря на все это, остается «непокоренным»), так и на будущее. Многие склонны считать люксембургского императора лишь простым обывателем, но он лучше представлял себе исторически глубинную психологию и ее метаполитические и политические цепные реакции, чем многие нынешние политики и историки.

Другим поклонником Видукинда был Генрих Гиммлер, отец которого был домашним учителем баварского князя и который в годы своей юности прислуживал на мессах. Гиммлер благоговел перед «язычником» Видукингом и считал, что в нем самом воплотился дух саксонского короля Генриха I, могилу которого он вскрыл, а собор, где она находилась, превратил в культовый центр СС.

Легенда о создании баварского монастыря Кремсмюнстер, основанного Тассило в 777 г., гласит, что сын этого последнего независимого герцога Баварии встретил свою смерть неподалеку от этого места в схватке с диким вепрем (вероятно, вепрь был тотемом рода Тассило); и по сей день монахи едят раз в год мясо дикого кабана, чтя память сына Тассило. Через десять лет после основания Кремсмюнстера Карл ликвидировал «империю» Тассило. Бавария, как и Саксония, была поделена на округа под контролем королевских графов и вместе с Саксонией стала жизненно важной частью и соперником империи. Сначала Вельфы, а затем Виттельсбахи как возможные претенденты на императорскую корону, причем Бавария при Виттельсбахах часто в союзе с французами, временами открыто становились в оппозицию империи.

В результате войн Карла Великого на востоке Европы против славян и аваров весь регион от устья Одера до Хорватии и Адриатики оказался под влиянием империи. К югу от Пиренеев была создана Испанская марка против арабов и захвачена Барселона; Балеарские острова стали другим завоеванием. В 778 г. небольшой арьергард возвращавшейся на север армии Карла

во главе с *Ruodland* (Роландом) был уничтожен басками в Ронсевале. В XII в. Франция сделала «Песнь о Роланде» своей первой «Марсельезой». Крестоносный дух этой поэмы пробудил пламенный французский «национализм», который с готовностью приравнял «собак-язычников» (сарацин) VIII в. к германцам века XII.

Без Рима нет империи. Споры среди историков о значении и функции коронации императором Карла Великого и о намерениях двух главных действующих лиц – Карла и папы Льва III – изобилуют такими же многочисленными проблемами, которые представляли собой коронация и вызванная ею цепная реакция в то время.

В рождественский день 800 г. Карл слушал мессу в соборе Святого Петра. Пока его голова была опущена в молитве, Лев III возложил на его лоб золотой обруч как символ императорской короны, и римляне провозгласили его императором: «Карлу Августу, коронованному Богом, великому императору римлян, дарующему мир, – жизнь и победу!» Эйнхард в своем жизнеописании Карла Великого утверждает, что Карл был захвачен врасплох и опасался ревнивого негодования греков.

Современные исследования показали, что уже невозможно говорить о коронации как о каком-то неожиданном событии. Но мы по-прежнему можем допустить, что более близкие и далекие участники этого события придавали ему различные значения, связывали с ним разные надежды, и оно вызвало у них разные страхи. Франкам в целом коронация, вероятно, казалась бескомпромиссным и видимым доказательством их веры в Христа (и святого Петра): она демонстрировала, что Иисус Христос, король франков и военачальник его богоизбранного народа, выбрал Карла, чтобы руководить ими на земле. Представители церковной интеллигенции из числа ученых-нефранков, которые стекались с Британских островов, Испании и Италии ко двору Карла и в своих письмах и других произведениях открыто обсуждали занятие Карлом императорского трона, были удовлетворены, увидев, что Карл утвердился как защитник римско-католических христиан: поэтому Карл должен был приводить многочисленные племена, народы, князей и правителей, постоянно враждующих между собой, под крышу своей империи, чтобы, как Август и Христос, нести мир. В тот день перед римлянами Карл появился в римских одеждах (тунике и хламиде), которые он сильно недолюбливал: он выглядел, так сказать, как римский император, а его коронация – как абсолютно обычная коронация римского императора. Еще точнее: он казался римлянам владыкой их давних врагов-лангобардов, воителем в борьбе с ненавистными византийцами (которые тем не менее имели своих приверженцев и в Риме, и в Южной Италии) и не в последнюю очередь главой над папой римским.

Недовольство римлян папской властью сохранялось на протяжении Средних веков и почти до наших дней. Их поиски защитников от «тиранического» правления их епископа были долгими (коронация в XIV в. императора Людовика Баварского мирянином была лишь одним эпизодом), но в 800 г. одно, по крайней мере, казалось очевидным: Лев III – папа римский, который пал на колени по римско-византийской традиции, чтобы почтить только что коронованного императора, признал Карла своим защитником и главой над собой. Как личность Лев представляет собой загадку. Годом ранее он бежал от своих врагов в Риме к Карлу с целью получить убежище в Падерборне (Саксония). Обвинения, которые выдвинули против него римляне, были отчасти сняты благодаря клятве очищения, которую он дал (с прицелом на то, чтобы его сочли годным для проведения коронации?) на слушаниях его дела в Риме под председательством самого Карла.

Карл считал себя защитником западных христиан и принимал энергичные меры к тому, чтобы организовывать, направлять и контролировать их. Он разделил церковь империи на двадцать одно архиепископство, и Рим в его глазах был из них первым. Он созывал церковные соборы, следил за тем, чтобы спорные доктринальные вопросы решались согласно его собственным взглядам (в противовес мнению Византии), и разработал настолько долговечный римско-франкский порядок проведения литургий, что и в наши дни литургия римско-католи-

ческой церкви сохраняет франкский отпечаток. Карл был убежден, что он получил свою миссию обращать неверных в христиан (на протяжении Средних веков Бог и Иисус Христос были приравнены друг к другу) от Бога – Христа – прославленного вождя франков; иными словами, обращать в христиан саксонские и иные племена, обитавшие на границах его империи. Сам он не был чрезмерно удивлен, что интересы Христа и императора Карла так близко совпали, но на протяжении веков это отождествление для людей становилось все более спорным и в конечном итоге стало настолько невыносимым, что разжигало крупные конфликты в Священной Римской империи.

Коронация Карла в Риме была бы невозможной без огромного численного превосходства вооруженных сил франков в Западной Европе и явной слабости главы папского престола, который со времен Стефана II (752–759) приобрел обыкновение искать убежища у франков от постоянных агрессивных действий со стороны лангобардов. Также не следует оставлять без внимания тот факт, что третьей силе – Византии – постоянно мешали споры о престолонаследии. Смелый план справиться с Византией путем заключения брака между Карлом и императрицей Ириной потерпел крах из-за свержения Ирины с трона, но интересно наблюдать, как на этом этапе в игру была введена «большая мечта» об эффектном политическом браке, так как это было решением, к которому часто стремились и за которое боролись династии старой Европы и не в последнюю очередь Габсбурги. Именно представители династии Оттонов впервые привезли в Европу порфирородную принцессу, да и тогда лишь после продолжительных и непростых переговоров.

У Карла уже было пять жен, и если по порядку, то: франкская, затем лангобардская принцессы, швабская, восточнофранкская и еще одна швабская, не говоря уже о многочисленных любовницах и наложницах (в этом он был похож на Давида и Соломона, которых он считал для себя примером и почитал как предков, потому что они были прародителями Христа). Он рассматривал свои браки как средство примирения народов внутри своей империи. В основе «великой мечты» об эффективном политическом браке лежит древняя и благородная идея о том, что человечество – это одна семья; *kwa* – это слово, от которого произошло немецкое слово «брак» (*Ehe*) и которое означает великий небесный порядок и законный порядок на земле. Таким образом, брак на земле устанавливает основу для одного неделимого порядка закона и мира.

Именно этот порядок Карл и его сподвижники надеялись установить, прикладывая энергичные усилия к объединению огромной империи. Королевские графы управляли округами (*gaue*), а их, в свою очередь, контролировали проезжающие с места на место королевские уполномоченные. Ежегодные собрания епископов и графов при дворе соглашались с законодательными и административными указами Карла. Церковь империи стала отвечать за образование, культуру и формирование людей.

Один император, одна церковь, один христианский мир, одна империя (у Аквитании и Лангобардского королевства были свои собственные органы управления, учрежденные Карлом): в большой степени эта работа по унификации так и не была реализована. Законодательство имело тенденцию оставаться лишь на пергаменте; с постановлениями синодов вопреки праведным надеждам не соглашались и не могли согласиться ни богатые епископы и настоятели монастырей, ни огромная армия «необразованных» представителей духовенства. Тем не менее как программа, как грандиозный проект империя Карла обладала сильной притягательностью на протяжении веков для императоров из династий Оттонов и Гогенштауфенов, для Максимилиана I и Карла V, для Людовика XIV и Наполеона. В своей собственной Европе, то есть в Испании и Италии и королевствах, которые он создал на территории старой империи, Наполеон стремился насадить реформированный свод законов при поддержке объединяющего влияния французского языка и литературной культуры. Эти честолюбивые устремления, безусловно, следует рассматривать в качестве преемников великой и смелой инициативы людей из

окружения Карла Великого: точно так же, как Карл (который, как бы усердно он ни скрючивал свои пальцы, не умел писать) стремился ввести одно письмо (каролингский минускул), одну франко-римскую церковную культуру, один установленный порядок богослужения и один свод законов, чтобы сделать империю единой, Наполеон старался унифицировать Европу, используя в качестве «метра» (метрическая система измерения была изобретена во время Французской революции) законы, судебную систему, правила дорожного движения и временами экономические средства управления, которые он сам же и установил.

Веками поднимались протестующие голоса против этого «уродства» «универсальной монархии». В XVII в. французская пропаганда под руководством Ришелье и Мазарини размахивала перед немецкими князьями и народом устрашающим призраком империи как жестко централизованной монархией; и следует отметить, что это видение было создано французской монархией в процессе построения своего собственного государства путем подавления всех несогласных политических и религиозных групп и движений, даже тех, несогласие которых было чисто интеллектуальным. И уж если где-то и существовал потомок империи Карла Великого, то он был здесь.

Священная Римская империя превратилась во что-то совершенно отличное от централизованного государства Каролингов. Империя не превратилась ни в «универсальную монархию», ни в диктатуру. И уж точно она не стала «государством национального разнообразия» такого типа, которое обязано своим возникновением терпению и изобретательности, которые продемонстрировали люди в Англии, Франции и Сицилии XII в.

В Средние века империя была не территориальным оборотом речи, а в первую очередь объединением людей на основе сообщества. И тем не менее она покоилась на фундаменте, заложенном Каролингами, и оставалась таковой до 1806 г. Какой бы неустойчивой и проблемной ни могла показаться сама по себе империя Карла с ее бюрократией и законодательством, предназначенным для продвижения имперской культуры и ее «каролингского» возрождения, осуществленного интеллигенцией, стекавшей из разных стран ко двору Карла, политические, церковные и интеллектуальные структуры, очертания которых впервые появились в Европе Карла Великого, продемонстрировали поразительную прочность. Эти структуры были поистине фундаментальными для создания в Центральной Европе «старой Европы», которая в интеллектуальном плане простирается от Рабана Мавра (немецкий богослов, писатель, поэт, лексикограф, аббат Фульдский, архиепископ Майнцкий; крупнейший деятель «Каролингского возрождения»; автор одной из первых средневековых энциклопедий под названием «О природе вещей». – *Пер.*) до Гёте (который сочинил немецкую версию *Veni creator spiritus* Рабана Мавра – католического гимна «Приди, Дух животворящий») – от одного рейнского франка до другого. Не случайно в Средние века наследие Каролингов можно было обобщить как две вещи: оно состояло из имперских владений и империи. Все монастыри Священной Римской империи, настоятели которых стояли в одном ряду с князьями империи, были основаны в годы правления Меровингов или Каролингов. Церковь империи – первая и последняя опора Священной Римской империи – сохраняла каролингские черты до самого своего роспуска Наполеоном в 1803 г.

В империи Каролингов сорок два знатных семейства (по крайней мере девятнадцать из них были связаны родственными узами с королевским домом) занимали самые ключевые посты в имперской администрации. Это обычный порядок для всякого, кто хочет рассчитывать хоть на что-то в Европе, чтобы проследить своих предков до Карла Великого. Джон Фостер Даллес, которому его друзья и недруги приписывают стремление возродить империю Каролингов, присущее Аденауэру, приступил к этому с помощью профессиональных специалистов в области генеалогии. В противовес этим усилиям обеспечить Карла выдающимися потомками-политиками следует поставить исследования серьезных швейцарских историков

(возможно, не без скрытых мотивов), которые доказали происхождение от Каролингов многих граждан Швейцарии, и далеко не все из них люди первостепенной важности.

Успеху и личности Карла присуща (и магически!) стихийная сила. Часть этой силы исходит от его каменного трона в Ахенском соборе. Карл устроил свою резиденцию в новом дворце в Ахене – «городе Карла» приблизительно в 786 г. Это место привлекло его своими термальными водами. Эйнхард, который руководил строительными работами, пишет, что король с удовольствием «упражнял свое тело, часто плавая, и в этом он был столь ловок, что, по справедливости говоря, нельзя сказать, что его кто-то мог превзойти. На самом деле именно поэтому он построил королевскую цитадель в Ахене и жил там непрерывно в последние годы своей жизни до самой смерти».

Королевская цитадель – ореол Карла, его спасительная сила, его «авторитет» с самого начала и до конца покоились на том, что он был королем франков – любимого Христом и избранного Им народа. В Европе, как и во все времена, всякий раз, когда развивается священная королевская власть (последние короли старого типа в настоящее время вымирают в Африке), монархия своими корнями уходит в древние, магические глубины. По сути, король – это чародей (короли Древнего Египта носили подобие львиного хвоста, как мастера-маги на доисторических скальных и пещерных рисунках). Он – бог на Земле, верховный жрец (как Мельхиседек), носитель власти и атрибутов божества, жрецов, магов. Каролинги с помощью папы низложили и лишили священного ореола Меровингов, которые обладали магией своих развевающихся длинных волос и когда-то проехали на своей священной повозке, запряженной волами, через земли святых, связанных родственными узами с их династией. Наследником их спасительной силы был Карл, а после него – французские короли (в XIX в. в период Реставрации роялисты все еще ожидали от королей излечения от золотухи касанием руки).

Трон Карла в Ахене стоит на вершине лестницы, как и трон Соломона, «истинного короля мира». Теодор Хеккер описал трон Карла как «внушающий самое большое благоговение, самый выразительный из всех немецких национальных памятников». Карл не был «немцем» – *Deutscher*, но в его эпоху появляется ранняя форма слова *deutsch* (означавшего «вульгарный», по контрасту с латынью). Карл приказал собрать старые песни и баллады германцев, большинство из которых были магическими песнопениями. Первоначально латинское слово *carmen* (отсюда *charm* – заклинание) обозначало не само заклинание как таковое, а магию, которое оно вызывало. Карл был простым человеком по образу жизни. Он носил одежду «франков» – льняную рубаху, короткие льняные штаны, накидку до колен, чулки, грубую обувь из козловой кожи и дорожный плащ с длинными рукавами. Наводящие страх саксы шли в бой в своих любимых соломенных шляпах, с которыми они не хотели расставаться. Карл и его люди сражались в железных шлемах, наручах и латах, которые защищали грудь и плечи. У них были кольчуги, доходившие до колен и локтей; их оружием были меч, пика, круглый щит, копье и дротик, а также боевой топор.

Настоящим фундаментом власти Карла была несокрушимая сила его франков и племен, которые они покорили.

В равной степени реальным – как выражение нерушимой веры в свою спасительную силу – было убеждение франков в том, что они ни в чем не уступают племенам, которые поддерживали свои старые империи в прошлом, – мидянам, персам, грекам и римлянам. Это отношение недвусмысленно выражается в предисловии, которое Отфрид Вейсенбург написал к своей книге «Гармония Евангелий»: «Почему одним только франкам не удалось начать восхвалять Бога на языке франков? Да, он еще не настолько отточен и ограничен правилами, но тем не менее у него есть свой собственный порядок употребления, и он изумительно прост. Почему франки не способны объединиться – те самые франки, которые, несомненно, не отстают от греков, римлян, мидян и персов? Они так же храбры, как и римляне, и никто не может сказать, что греки бросают им какой-то вызов».

В десятилетия, последовавшие за 800 г., в среде франков начала развиваться идея или, скорее, мировоззрение в пользу того, что греки передали *imperium* франкам как «имперскому народу». Первое упоминание о *translatio imperii*, произошедшем в 800 г., датируется 850 г. и исходит из франко-лотарингского источника «Жизнь Виллехада» (первого архиепископа Гамбургского), написанного, как известно, в монастыре Эхтернах. Это не было толкованием, которое придали имперской коронации Карл и его последователи в 800 г.; и идею такой передачи нельзя связать с Карлом в какой-либо момент до его смерти. Политики папы и идеологи папской курии с помощью «Константинова дара» (документа, состряпанного в Риме об этом периоде, который якобы подтверждал акт дарения Константином Рима и Папского государства папе римскому) позднее разовьют теорию передачи в идеологию папского всемирного владычества, которая станет грозным оружием против императора: папа, однажды уже передавший *imperium* от греков, может снова ее отнять, чтобы, возможно, вручить ее «истинному франку» в Париже.

Однако, как бы далеки ни были Карл и его круг от теории передачи империи (для них благодать была ниспослана прямо от Бога королю и императору; император был коронован Богом; сам Карл короновал своего сына Людовика;

Людовик (Людвиг) носил древнее и священное имя первого обращенного в христианство Меровинга – Хлодвига), в определенных важных вопросах Карл все же осуществил передачу. Камни для строительства своего Ахена он буквально перенес из разрушенных римских зданий в Трире, Кёльне и Ахене, колонны и мраморные детали – из Равенны. Более того, при посредничестве своих придворных ученых он перенес в свою империю древние, освященные веками знания, полученные из единственно священной древности *antiquitas*.

«Подлинный гуманизм» (Вальтер Рюэгг) эпохи Каролингов потребовал поставить древние слова и имена на службу искупительных лозунгов и притязаний на власть: Карл – он же «Давид», «Соломон» и «Август» – укрепляется и усиливается против Византии. Считалось, что слов, найденных в священных книгах, – в Библии – книге спасения или в произведениях доблестных римских и греческих мудрецов (хотя последние вызывали все больше подозрений), должно быть достаточно, чтобы сломить силы «язычников» и «еретиков» – людей, которые отказывались верить в великую цельность империи Карла (один Бог, один император, одна вера, одна империя, одна культура).

«Множественность перестает быть измерением с числом два». Сделав огульное заявление, можно сказать, что со времен Каролингов «франки» (то есть западноевропейцы, латиняне) были людьми, не способными сосчитать до трех. Ведь «три» означало множественность: множественность и многоцветность в божественной и человеческой природе, множественность в обществе. Голос греческой христианской духовности разговаривает с Климентом Александрийским, и сотни цветов распускаются под благотворным влиянием Троицы. Каролингский Запад толковал триединство с акцентом на «единого» Бога и очень скоро начал испытывать затруднения в связи с самой идеей триединства. «Греческие» умы истолковывали тройственную божественную природу как «процесс раскрытия себя в мировой истории» (становление, рост и изменение – все это связано с этим). «Римские» и «франкские» умы толкуют триединство как одно неделимое, неразрывное мощное Единство, в котором Бог Отец и Бог Сын сливаются один с другим, а Дух Святой играет поразительно подчиненную и скрытую вспомогательную роль.

Последствия споров тринитариев, от которых содрогалась империя Карла, чувствовались еще долго после его смерти. В 792 г. он приказал осудить епископа Феликса Уржельского как еретика на Регенсбургском соборе. Этот испанский епископ (в папской курии Испания сохраняла свою репутацию родины ересей до XVI в.) упорствовал в своем утверждении человеческой природы Иисуса Христа. Победившие богословы при дворе Карла думали иначе: для них Христос был полностью Богом, единым Богом.

Евангелие Каролингов было учением господ и доктриной господства; именно так Карл приказал своему духовенству проповедовать и провозглашать его в народе. В нем говорится не о страданиях Христа, «бедном Христе», Христе «обездоленных», а о Боге-Христе, короле благородного происхождения. Здесь уместно напомнить, что в империи Карла большое число маленьких народов успешно низводилось из состояния свободы в рабское состояние. «По своей собственной доброй воле» (фактически выбор был невелик: они могли избежать или бремени военной службы, или угнетения сильных мира сего) крестьяне и мелкие землевладельцы передавали себя и свое имущество под военную и судебную защиту крупных владык, особенно монастырских и церковных землевладельцев. Земельные книги монастырских и других владельцев достаточно четко представляют этот процесс, а потом уже в Средние века в основном будут существовать лишь различные формы крестьянской зависимости.

Огромная пропасть разделяла англосаксонских, ирландско-шотландских, испанских и лангобардо-итальянских церковнослужителей, которые часто приезжали ко двору Карла от огромного числа «неокультуренных» церковников, которые все еще участвовали в языческих жертвоприношениях или магических ритуалах, традиционных для их племен и народов. Степень, до которой каролингская Европа, внешне объединенная, сама сознавала эти контрасты, показывают политические и церковные меры, к которым прибегали Карл и его сподвижники в битве с испанскими «еретиками».

Феликс Уржельский был осужден как «еретик» в Регенсбурге в 792 г. *Roma locuta causa finita*: «Когда Рим сказал, то дело закрыто для обсуждения». Это заключение (именно в такой формулировке принадлежит к гораздо более позднему периоду) обнажает иллюзию, которая имела трагические, если не летальные, последствия для Европы, потому что, как показывает ее более поздняя история, ни одна из «ересей», ни одна из «несоответствующих» религиозных, богословских или политически «отклоняющихся» идей, которые впервые появились в империи Карла Великого, никогда не были «искоренены». Они живы и «работают» в наши дни. Здесь мы лишь укажем, как они вплетены в это конкретное «испанское» дело.

Вскоре после осуждения Феликса Уржельского в Регенсбурге полемика вспыхнула вновь. Испанец Мигетиус выступил с толкованием Троицы, которое во многом предвосхитило точку зрения мировой истории, автором «зародыша» которой был Иоахим Флорский в греческой Южной Италии в конце XII в., а позднее оно получило более радикальный и политический уклон благодаря его ученикам. Эта точка зрения принимала без доказательств три устройства: царствие Отца (совпадающее с Ветхим Заветом), царствие Сына (совпадающее с исторической длительностью существования империи и папской церкви) и царствие Святого Духа, Вечного Евангелия, которое еще должно было появиться. Воздействуя на историю, Троица настужь распахнула «средний век». Поэтому старая *imperium* и старая *ecclesia* – империя и папская церковь – рассматриваются как эфемерные эпохи, оправданные своим хронологическим местом в истории человечества на его пути к великому будущему. В тринитарном учении Мигетиуса Бог Отец был воплощен в Давиде, Бог Сын – в Иисусе, Бог Дух Святой – в святом Павле. Архиепископ Толедо Элипанд резко возражал, утверждая, что человеческая природа Христа не имела никакого отношения к божеству, и Феликс поддержал его, интерпретируя «адопционистскую теорию» Элипанда (то есть что Бог «усыновил» человека Иисуса) как договорные отношения хозяин – слуга (похожее толкование будет выдвинуто епископом Бамбергским Эберхардом в XII в.). Феликс внес миссионерскую ноту в свое адопционистское учение: «Мы все, как Иисус, усыновлены Господом как его дети и подобно ему получили такую же благодать».

Эта полемика распространилась по всей империи Карла, и вовлеченными в нее оказались Рим и Ахен. После своего осуждения в Регенсбурге Феликс нашел себе убежище на арабo-испанской территории, вероятно, у Элипанда в мавританско-христианско-еврейском Толедо. При вмешательстве ряда епископов этот вопрос был поднят снова в 793–794 гг. на соборе во Франкфурте в присутствии Карла Великого, выступавшего в роли «внешнего епископа» своей

«ортодоксальной» имперской церкви. (Императоры Восточной Римской империи считали себя «внешними епископами» и позаботились о том, чтобы придворные богословы почитали их как таковых еще со времен Константина.) Феликс был снова осужден и снова обнаружил, что епископы готовы вступить за него.

Весной 800 г. Феликс в конце концов отрекся от своих взглядов, позволив «убедить» себя Алкуину (англосаксонский ученый, богослов и поэт, один из вдохновителей «Каролингского возрождения». – *Пер.*), но оставил после своей смерти трактат, возрождавший старую «ересь».

Европа, которая была объединена с такими смелостью, энергией и насилием, была беспокойным континентом. После смерти Карла империя распалась. В этом контексте будет более важно – для историка как человека внимательного, стремящегося получить признание и информацию о своем прошлом – говорить не о вине, а о причинах.

Одна подавляющая личность заставила весьма разнородные компоненты сложиться в одну огромную империю. При сыновьях Карла эти компоненты заявили о своих правах. Единая империя имела своих епископальных и монастырских лидеров (Людовик Благочестивый надеялся восстановить единство империи посредством реформирования церковнослужителей) и временами получала поддержку от представителей высшей знати. Но институты и коммуникации, которые могли бы способствовать настоящему и долговременному объединению Европы Каролингов, отсутствовали. В империи не было чиновничества, лично заинтересованного в том, чтобы части империи держались вместе. Те чиновники, которые существовали, становились феодальными владыками, каждый из которых стремился создать большую или маленькую «империю» для себя. Не было экономики, ориентированной на империю. Попытки построить экономику, основанную на деньгах, вскоре провалились. Империя Каролингов, по крайней мере, в своих центральных регионах вернулась к экономике, основанной исключительно на земле, и именно этот возврат к аграрной культуре в основном содействовал – в политическом плане – победе феодализма. Крупный земельный собственник сам обеспечивал свои нужды; самые насущные потребности удовлетворялись за счет обмена в небольшом масштабе на местных рынках.

Произошел возврат к былинному варварству времен Меровингов, известных жестокими, убийственными, предательскими и саморазрушительными действиями великих родов. Сварливые женщины, неверующие епископы, вероломные и своекорыстные магнаты снова вышли на сцену и сыграли свои роковые роли. Нетрудно понять, почему Юдифь – вторая жена Людовика Благочестивого, жизнь которой прошла в «безвременье», имела репутацию «дьяволицы». Будучи молодой женщиной, она собирала при своем дворе «гуманистов»; в более поздние годы она, к негодованию общественности, окружала себя колдунами и гадалками и имела обыкновение вызывать демонические силы – ведьминская кухня из «Макбета». В неистовстве страсти и одержимости интригами некоторые женщины этой эпохи и впрямь казались самим воплощением леди Макбет и ее зловещих сил.

Людовик Благочестивый, которого его отец сделал своим соимператором в 813 г., хлебнул горя из-за ссор между своими сыновьями от первого и второго браков. Его собственные вассалы почти все предали его, и когда его армия переметнулась к его сыновьям на «Поле лжи» (так называлась битва между Людовиком Благочестивым, императором Каролингов, и его мятежными сыновьями. – *Пер.*) – на Ротфельде неподалеку от города Кольмара, сам Людовик признался, находясь уже в убежище в Суассоне, что из-за своих преступных ошибок он непригоден управлять империей. Да, он возвратил себе корону из-за продолжающейся вражды между своими сыновьями и родственниками, но на протяжении всех Средних веков Людовик оставался классическим примером несправедливого правителя, правителя, который утратил свою королевскую спасительную власть, свое сакральное достоинство и неуязвимость, свои территории, собственность, вассалов, жену и сыновей.

Новое начало было положено Верденским и Куленским договорами. Верден, который позднее в империи был известен как Виртен, был городом, за который состоялось немало сра-

жений. На территории, окружающей крепость Верден, положили свои жизни полтора миллиона немецких и французских солдат в Первой мировой войне; перед Верденом почти незаметно канул в Лету старый «театральный» бой, когда люди воевали, стоя лицом друг к другу, демонстрируя артистизм и мастерство. Тот же самый Верден, где впервые за тысячу лет ведения войн сражение происходило, скорее, не между людьми, а между материальным обеспечением, был местом, где родились Франция и Германия.

Империя была поделена между тремя братьями. Людовику Немецкому отошла главная часть германских территорий (Восточная Франкия), Карлу Лысому – главная часть французских земель вместе с Бретанью и Страной Басков (Западная Франкия). Лотарь, который был императором, получил два императорских города – Ахен и Рим, центральные земли франков вокруг рек Мёз и Мозель, а также Бургундию и Италию; и как император он был номинально главой империи. Но в 855 г. Лотарь умер, у его троих сыновей не было законных наследников, и с практическими целями ведущая историческая роль выпала двум другим королевствам – Восточной и Западной Франкии. Тем не менее королевство Лотаря, занимавшее срединное положение, представляло исключительную важность для Европы: как «Средняя Европа», оно первое способствовало развитию европейского характера и сознания. Территория, которую оно охватывало, включает в настоящее время страны Бенилюкс и части Франции и Швейцарии. В позднем Средневековье этим королевством, которое тогда называлось Бургундией, правили князья, достаточно бесстрашные, чтобы сделать его процветающим, великолепным государством, вклинившимся между Францией и империей, так что судьба Бургундии оказалась во власти Габсбургов и королей в Париже. Карл V Бургундский впутал свою любимую родину в «мировую политику» своего времени; страна была захвачена испанцами и французами, войсками и правителями, присланными Габсбургами, а также из империи – все они стремились получить этот приз. Бургундия все еще вызывала восхищение у этого наводящего ужас «упростителя» нашего века, который так стремился построить Европу на свой лад, – Гитлера; и, более того, Гиммлер размышлял над созданием новой «старой Бургундии» как «срединной» территории между Великой Германией и Францией, значительно сократившей свои размеры (приблизительно до той территории, которую она занимала в период между IX в. и серединой XII в.).

Для французских историков история Франции начинается в 843 г. – год заключения Верденского и Куленского договоров. Карл Лысый (823–877) значителен как первый король Франции. На тот момент Германия была совершенно неопределенной идеей, тогда как Галлия уже имела четкие очертания. Договор, заключенный между Карлом Лысым и его вассалами в Кулене через несколько месяцев после подписания договора в Вердене, был назван «основополагающей хартией королевства западных франков».

В то время как огромная империя чахла, в Западной и Восточной Франкии шел болезненный процесс формирования важных центров. Шайки грабителей терроризировали сельскую местность, арабские мародеры подожгли Марсель. В Понтрезине (коммуна в Швейцарии) был арабский плацдарм в Энгадине – *pons Sarracenorum*. Каждый год с севера приплывал датский флот с «норманнами», которые грабили побережье и доходили вверх по Сене до Парижа. Во времена Карла III они проникали до Ахена, Меца и Реймса. Сарацины захватили Палермо и Бари. В 846 г. они разграбили собор Святого Петра, «Золотой Рим» франков, чья привязанность к Риму возникла из их веры в святого Петра. В 884 г. сарацины разрушили монастырскую цитадель Монте-Кассино (которая была еще раз разрушена после ожесточенных боев во Второй мировой войне). Славяне под командованием Святополка – моравского князя-христианина – создавали Большую Моравскую империю, простиравшуюся от Фихтельгебирге (горы средней высоты в Германии, на северо-востоке Баварии и в Чехии. – *Пер.*) до самых ворот Вены (которая, возможно, уже была столицей обширной славянской империи в VII в. при Само-Франке) и глубоко вдававшуюся в Русь.

Когда мы рассматриваем эту беспокойную Европу, которую явно снова охватили – или на самом деле так было всегда – долгие века переселений народов, мы видим Германию, Францию и Бургундию, появившиеся как государства – преемники империи Карла. Италия тем временем возвращалась к своим местным правителям, которые постоянно враждовали друг с другом.

В какой-то момент, казалось, лидерству в умирающей империи, возможно, суждено перейти к энергичному Арнульфу Каринтийскому – незаконнорожденному внуку Людовика Немецкого. Он низложил Карла III на заседании сейма в Трибуре (на Рейне), разгромил норманнов в битве при Лёвене в 891 г., дал сражение жителям Моравии и в ответ на просьбу о помощи от папы римского Формоза промчался по Северной Италии и был коронован императором в Риме. Роковой сердечный приступ вскоре после коронации убрал Арнульфа с исторической сцены. При его сыне Людовике Дитя ведение государственных дел перешло к прелатам вроде архиепископа Атто Майнцского и франконскому роду Конрадинов. В 910 г. армия маленького Людовика была разгромлена у Аугсбурга мадьярами, которые с 900 г. ежегодно совершали набеги сначала на Баварию, а позднее и на Саксонию и Тюрингию.

Европа в виде империи Карла лишь недавно была вынута из колыбели ее двумя отцами – Карлом Великим и папой римским. Теперь она осталась без отца. Преобладающим настроением в монастырских летописях, написанных на островах, на которых царил зыбкий мир и которые постоянно заливали бури, близкие и далекие, был глубокий пессимизм. В X в. – «темном веке», как его называли более поздние историки, свет надежды начал гаснуть, особенно в Западной и Южной Европе. Тем не менее именно в этой Европе, лик которой был темен от постоянных вражды и войн, и появилась Священная Римская империя – империя Оттонов.

Глава 3

Империя Оттонов

Имперская корона с 1800 г. оставалась в Вене ослепительным памятником и свидетелем величия империи. Вероятно, она была изготовлена для коронации Оттона Великого в 962 г. С этого дня и впредь, хотя империя никогда не была немецким национальным государством, Германия являлась ее главной опорой и оплотом.

Папы римские – потенциальные соперники императоров в Священной Римской империи и христианском мире вообще извлекали пользу из ссор между наследниками и преемниками Карла Великого в IX в. Притязания на власть, выдвигаемые некоторыми из них тогда, предвосхищали растущие притязания пап от Григория VII до Иннокентия IV. В 833 г. мы видим заявление Григория IV, утверждающего, что папа римский – не брат епископам, а их «отец». Папа Николай I (858–867), известный как Великий, придерживался той точки зрения, что церковь царит на земле и его высокое положение делает его законным судьей земных императоров и королей. Он проводит различие между «законным правителем» (*verus rex*) и незаконным «тираном». Позднее папы развили этот свой долг быть арбитрами достоинств кандидатов в императоры до высокого политического искусства и средства оказания давления. Однако в эпоху императоров Оттонов и первых императоров Салической династии все изменилось, и тогда уже император решал, кто является законным папой римским.

Самоуверенность пап в IX в. была встречена другими церковнослужителями со смесью удивления, опасения и недовольства. Архиепископ Гюнтер Кёльнский протестует против наглости Николая I, считающего себя апостолом среди апостолов и ведущего себя так, словно он император всего мира, а летописец Регино Прюмский уничижительно отзывается о привычке папы отдавать распоряжения королям и тиранам, «словно он владыка мира».

Если коротко, то у пап была религиозно-политическая доктрина, основные черты которой были четко очерчены задолго до возвышения императоров. Какие бы превратности судьбы и катастрофы ни переживали отдельно взятые папы, это учение давало им твердые внутренние основания для наращивания папской власти в грядущих веках. Император Священной Римской империи в период правления династии Оттонов, Салической династии и династии Гогенштауфенов (962—1250) имел в своем распоряжении идеологию и преемственность наравне с папской доктриной, но на практике правители снова и снова оказывались предоставленными сами себе и должны были полагаться на свои собственные силу и жизнестойкость.

Такова была молодая Европа во многих смыслах. Героинями придворных поэм были девушки двенадцати – тринадцати лет; мужчины женились рано, рано занимали высокие церковные и светские посты и рано умирали.

«Большинству императоров не было и двадцати пяти лет, когда он садились на трон; только Лотарю было за пятьдесят, а Генриху I и Конраду III – за сорок. Коллеги императора были столь же молоды. Люди быстро адаптировались к трудностям и опасностям правления, связанного с постоянными поездками верхом между Северным и Средиземным морями без карт и надлежащих дорог. Из шестнадцати регулярно избираемых правителей между Оттоном Великим и периодом междоцарствия Фридрих I прожил приблизительно до шестидесяти пяти лет, Оттон I и Лотарь III – до шестидесяти, но больше никто не прожил так долго. Семеро императоров заразились смертельными болезнями (малярия, дизентерия и т. д.) в Италии. Фридрих I встретил свою смерть в результате несчастного случая в крестовом походе; Конрад III вернулся из крестового похода смертельно больным. Филипп Гогенштауфен был убит, Оттон IV – свергнут. Лишь пятеро императоров умерли более или менее естественной смертью».

В позднесредневековых танцах смерти Смерть показана как уносящий Императора его злейший враг. Уважение к смерти, подготовка к смерти, размышления о смерти, празднование смерти торжественными похоронными процессиями, похоронами и погребальными памятниками наполняли жизнь, труды, мысли и чувства правителей Габсбургов от Максимилиана I до Марии Терезии. Кто-то может сказать, что место захоронения Габсбургов – Капуцинеркирхе в Вене – является одним из мест, где память о старой империи живет всего.

Не было ничего романтического и мало загадочного в политическом климате, в котором франкский Конрад I (911–918) и его саксонский соперник Генрих I (919–936), которому Конрад на смертном одре передал королевские символы власти, обозначив как преемника, закладывали основы империи Оттонов. Развал государства Каролингов и его системы округов предоставил «племенам» возможность самим позаботиться о себе и защищать себя от датчан, славян и мадьяр. В такой чрезвычайной ситуации они сплотились вокруг своих герцогов.

Существовали четыре основных племени – саксы, баварцы, франки и швабы, а также одна менее многочисленная группа – тюрингцы; фигурируют также лотарингцы, создавшие два герцогства – Верхнюю и Нижнюю Лотарингию. После смерти последнего немецкого Каролинга (Людовика Дитя) в 911 г. племена путем свободных выборов избрали Конрада, герцога Франконского, королем *regnum Theotonicum* (название, данное одним летописцем новому королевству в 920 г.).

«Германцы» тогда представляли собой четыре огромных племени, которые в чрезвычайной военной ситуации выбирали для себя лидеров – герцогов. Герцоги, в свою очередь, выбирали «верховного герцога» королем и воевали под его началом. Существенной особенностью является то, что король исполнял роль вождя только для того, чтобы отразить внешнее нападение; в другие времена он получал лишь иногда знаки уважения, приличествующие его рангу. Это имеет непосредственное отношение к особым слабостям, присущим должности императора до самого конца Священной Римской империи в 1806 г. Каким бы ни был его титул – «германский король», «король римлян», «император» или «избранный римский император» – верховный глава империи, созданной в IX в., никогда не признавался ее жителями своим монархом.

Племена избирали короля, входили в королевство и формировали его армию; и даже когда «племенные герцогства» начали рушиться, сеймы, компетенция которых охватывала всю занимаемую племенем территорию, продолжали заседать, и от магнатов изо всех уголков государства по-прежнему требовалось посещать собрания при дворе герцога. Общее собрание магнатов, которые собирались только при угрозе в самом крайнем случае (независимость вновь заявляла о себе в тот самый момент, когда магнат пускался к себе домой в обратный путь), достаточно верило Генриху, герцогу Саксонскому, чтобы избрать его королем: они чувствовали, что, даже став королем, Генрих останется верен своим герцогским корням. Король Генрих отказался от миропомазания на царство и коронации, которую Геригер Майнцский вслед за прецедентом с Каролингами предложил ему сразу же после его избрания. В историческом пустозвонстве «германско-националистических» и нацистских публицистов этот значимый жест выглядит как отвержение «Рима» и «церковного» статуса в пользу «национальной» королевской власти, заявляющей о своей «немецкости». Отказ Генриха следует рассматривать в свете его положения в 919 г.: ему, еще столь недавно самому бывшему герцогом, не следовало возвышаться над другими герцогами; скорее, ему нужно было опираться на их поддержку, более чем когда-либо необходимую в это тяжелое время. Когда саксонский герцог отверг предложение короноваться, Рим и эта императорская коронация не были главными в его сознании. Но он не отвернулся от них. В 919 г. он был отягощен насущными заботами; все изменилось в 936 г., когда он назначил своим преемником своего сына Оттона. В первые годы своего правления у Генриха не было ни первосвященника, ни королевских чиновников – так сказать, ника-

кой канцелярии. В первые пять лет его правления хартии составлял и писал один-единственный писец – нотариус по имени Симон.

Когда Генрих I женился во второй раз, то взял в жены Матильду, которая была прямым потомком великого саксонского вождя Видукинда. Эта энергичная женщина, которая родила Генриху пятерых детей, принесла ему богатое наследство в Вестфалии, а также неоценимые блага, которые давал ему союз с ее священным родом. Именно в этом саксонском окружении родилась идея о том, что родиться «германцем» что-то значит, идея, которая в X в., принесшем войны и горести, укоренилась также и в других племенах. «Германцам» было характерно стремиться к безопасности, вступая в союз верности Богу и друзьям Бога – влиятельным святым, и по этой же причине налаживать узы дружбы с попутчиками на этой суровой земле – князьями и герцогами своих сородичей по племени или, если в них не было веры, с друзьями в церкви.

Генрих I получил от Рудольфа Бургундского предмет, который стал священным символом, приносившим победу саксонской империи Оттонов, и почитался на протяжении следующей тысячи лет как один из самых святых императорских символов. Это было Священное Копье, след которого тянется из Бургундии в Лангобардское королевство и из Италии в Иерусалим (позднее оно было опознано как копье Лонгина, воткнутое в бок распятого Иисуса). Владение этим копьем ставило Генриха, герцога Саксонского, стремившегося доказать свое сакральное родство единственно приемлемым способом – победой на поле боя, непосредственно в один ряд с его сыном Оттоном Великим, который, будучи императором, носил усыпанную звездами мантию и тунику, отороченную колокольчиками. Туника и мантия составляли часть одеяния библейского первосвященника. И именно первосвященник носил *hoshen* – нагрудную пластину со вставленными в нее двенадцатью драгоценными камнями, названия которых были названиями двенадцати племен Израилевых. В имперской короне есть две такие группы из двенадцати драгоценных камней – на передней и задней пластинах; та или иная наверняка были предназначены для увековечивания символизма *hoshen*. Император династии Оттонов является представителем первосвященника – Христа как священника-короля, который стал преемником королей древнего народа Бога. Четыре могущественные фигуры спасителей – Соломона, Давида, Исаяи, стоящих лицом к королю Езекии в его болезни, и Христа, правителя всех – занимают четыре промежуточные пластины короны, призывая императора к выполнению его долга. Сохраняя веру Христа и своих собственных священных предков при поддержке на земле своих истинных «друзей» – князей, герцогов, королей, пап римских и епископов, император должен вести народ Божий на войну к победе. Великолепие и хрупкость представлений Оттонов об империи раскрыты. Что могло быть прекрасней, правильней и пристойней, чем Священная империя, задуманная как огромный федеративный союз, основанный больше на доверии, нежели подчинении, состоящий из друзей внутренних и внешних (во главе с папой – епископом Римским и другом короля), под предводительством императора-короля? Но что же будет – и это главный вопрос – если эти друзья, миряне и церковнослужители, окажутся вероломными?

Король Генрих использовал гарантию мира на девять лет, которую он купил для своих саксов у мадьяр, чтобы создать боевую армию, в которой преобладали конные воины. Он укрепил монастыри и торговые центры, защитив их от нападений. Он успешно сражался со славянами, захватил Бреннабор (Бранденбург) в 929 г. и в 933 г. нанес мадьярам первое поражение у реки Унструг. Его отношения с могущественными племенными герцогами строились на дальновидности и здравом смысле, и он укрепил свой авторитет, установив дружеские связи с Бургундией и англосаксонской Англией. В 935 г. король Генрих выступил в роли посредника между королями Франции и Бургундии в Ивуа-на-Шьере, а также со своей стороны заключил договоры о дружбе с Францией и Бургундией. Именно по такому случаю король Рудольф Бургундский подарил ему чудодейственное Святое Копье, в железный наконечник которого, усыпанный золотыми крестами, были включены гвозди с распятия Христа. Обладание этой

священной реликвией, которая, согласно молве, была передана святой Еленой Константину Великому, было «символом и доказательством его притязаний на Италию и трон императора». Таким образом германский король обрел еще двух друзей – королей Франции и Бургундии.

В заключение своего рассказа о Генрихе и его деяниях саксонский хронист Видукинд Корвейский¹ пишет, что, когда все соседние народы были покорены, «он, наконец, решил отправиться в Рим, но, так как его свалила болезнь, он отказался от этой поездки». Похоже, что тогда Генрих намеревался поехать в Рим, чтобы получить императорскую корону.

Старший сын Генриха Оттон I, рожденный в браке, рос как ребенок из народа, не получая никакого должного образования. Плодом его ранней связи со славянской женщиной знатного происхождения, захваченной в войнах 928–929 гг., стал незаконнорожденный сын Вильям, который в качестве архиепископа Майнцкого в один из великих поворотных моментов истории встал на защиту прав славян против своего отца. Первой женой Оттона стала Эдгита, сестра английского короля Ательстана. Оттон подарил своему тестю (слава которого была воспеваема германским поэтом) великолепное Евангелие, а его жена в качестве свадебного подарка получила город Магдебург, который со времен Каролингов был городом первостепенной важности в торговле со славянами. Эдгита восстановила его после разрушения мадьярами и в 946 г. была похоронена в его соборе.

Оттон был избран королем франками и саксами; официальная церемония избрания всеми пятью племенными герцогствами, освящение и возведение на трон состоялись в Ахене 7 августа 936 г. Ахен был столицей империи при Карле Великом, «идеальным вариантом для Оттона с первого дня его правления».

Выборы состояли из двух частей: церковные и светские владыки избирали отдельно согласно собственному желанию. Светские властители посадили Оттона (который надел одежду франков, так как, став королем, саксонец становился франком) на трон, стоявший на площадке перед собором, и принесли ему клятву верности и помощи в борьбе с врагами. Люди подняли правую руку, чтобы показать свое одобрение избранника, и прокричали «Победа и спасение!» (*Sieg und Heil*), и это приветствие придавало избранию законную силу. Ритуалом посвящения (проведенным всего семью неделями ранее для короля-Каролинга во Франции) руководил Геригер Майнцкий, который вышел победителем в споре с другими архиепископами – Кёльна и Трира – на тему, кто из них троих должен иметь приоритет. Стоя перед алтарем, он вручил королю меч для борьбы с врагами Христа, мантию в знак веры, горящей в душе до самой смерти, скипетр и посох для наказания им своих подданных и защиты слабых. Затем архиепископы Майнца и Кёльна миропомазали и короновали короля. Священная церемония была доведена до своей кульминации, а затем завершена двумя очень древними ритуалами: возведением правителя на трон Карла Великого, «с которого он мог видеть все и быть видимым для всех», и королевским пиром во дворце, на котором четыре герцога оказали ему почести – Жильбер Лотарингский в роли гофмейстера, а Эбергард Франконский – распорядителя, Герман Швабский – дворецкого, а Арнульф Баварский – обер-церемониймейстера. Впечатляющая картина «германского» единства: народ и князя плечом к плечу рядом со своим королем.

Усилия Оттона, направленные на то, чтобы придать смысл этому новому королевству, привели вскоре после коронации к серии конфликтов внутри его собственной семьи и с герцогами – конфликтов, которые тянулись до 955 г., в котором произошла битва у реки Лех. Старший брат Оттона по отцу Танкмар умер бунтовщиком. Его младший брат Генрих вступил в союз с герцогами Эбергардом Франконским и Жильбером Лотарингским, королем Франции Людовиком IV и архиепископом Фридрихом Майнцским. Заговоры, примирения и новые отступничества следовали одно за другим, и казалось, что этому нет конца. В промежутках

¹ Тело святого Вита, покровителя саксонского королевства, было перевезено в Корвей в 837 г. Святой Вит, в честь которого Карл IV назвал собор в Праге, также стал святым-покровителем и королевства Богемия.

между ними были проведены успешные походы в Богемию и Северную Италию, где в 951 г. Оттон получил титул «короля королевства Лангобардов» и женился на Адельгейде Бургундской. Особенно серьезной угрозой для Оттона был мятеж его сыновей в 953–954 гг., который привел к созданию большой коалиции всех его врагов, включая мадьяр.

Это приводит нас к кануну битвы у реки Лех, тысячная годовщина которой в 1955 г. была отпразднована с такой гордостью в Федеративной Республике Германии. В Аугсбурге, расположенном ближе всего к месту сражения, были проведены церковные и светские праздничные мероприятия в разных местах и в разное время. Во времена Оттона I миряне и церковные магнаты были тоже разделены. Некоторые мотивы, вдохновляющие на празднества в 1955 г., достаточно очевидны. В то время Аденауэр предьявил в Бонне и Риме притязания Федеративной Республики на то, чтобы снова считаться щитом и защитником христианского Запада от антихристианского Востока. Мадьяры в 955 г. (подобно туркам в 1683 г.) заменяли врагов рейха в 1955 г. Базисные перспективы еще более захватывающие. «В глазах Бога тысяча лет – всего лишь день» – это, возможно, благочестивая банальность, но нельзя отрицать, что именно в эпоху Оттона Великого основополагающие структуры религиозного, политического, социального и интеллектуального развития Германии появились впервые или, по крайней мере, обрели свою определенную форму.

Победа Оттона в битве у реки Лех имела множество последствий: его собственное обретение в будущем императорского титула, окончательное установление германской имперской церкви как политической силы первого порядка, основание заново Баварской восточной марки – Остмарки (Австрии), создание Венгерского (Мадьярского) королевства под короной святого Иштвана и начало проведения восточной политики, которой следовала Германия с 955 по 1945 г. Ничто из этого не было известно епископу Ульриху Аугсбургскому, когда он 8 августа 955 г., одетый в свои ризы, без щита, кирасы, шлема или меча стоял у Восточных ворот (позднее – Барфюссертор) – там, где натиск был самым ожесточенным, и вселял в своих людей мужество твердо стоять на своих позициях. Атака была отбита, и Ульрих провел ночь в молитвах. Он отправил монахинь ходить по улицам и молиться, а сам направился в собор, где простерся на полу во весь рост и умолял Богородицу защитить народ и избавить город от захватчиков. Когда настало утро, Ульрих причастил свой народ. Мадьяры остановили свое наступление, так как узнали от Берхтольда – сына пфальцграфа Арнульфа весть о приближении Оттона.

Ссылка на Берхтольда напоминает нам, что мадьяры – эти смертельные враги христианства уже были глубоко вовлечены во внутреннюю политику «германского» мира. Современные авторы описывают мадьяр как чудовищ, дьявольских уродов рода человеческого. Говоря словами Видукинда Корвейского, которые он вкладывает в уста Оттона перед битвой, они были «врагами Бога и человека», «врагами Христа». Во время борьбы за право назначать епископов и после нее мы увидим, как папы и императоры обвиняют друг друга как врагов Бога, предвестников Антихриста и дают друг другу самые чудовищные эпитеты. Начнется даже резкая критика победителя в битве у реки Лех за его походы на Рим. Походы Оттона I на Рим, предпринятые с целью восстановить империю и пост императора, описаны Бенедиктом – монахом из Монте-Соратте как «разграбление» когда-то прославленного города Рима варваром – «королем саксов».

Однако правдой остается то, что появление внешне необычных и беспощадных мадьяр в германских землях было сильным потрясением, и выбирать было не из чего: либо их грабительские налеты на территории Германии и Богемии, либо феодальные распри, которые тогда эпидемией охватили христианский мир. В ходе междоусобицы между Оттоном I и французским королем Людовиком IV, вооруженные столкновения которой происходили на французской земле в 946 г., обе армии грабили и опустошали регионы, через которые проходили. Некоторые ближайшие родственники Оттона принимали участие в восстании его сына Людольфа и

показали себя такими же безжалостными, как и мадьяры в своих набегах на германские земли. Сам Аугсбург был отнят Людольфом у верного ему епископа и разграблен.

Те, кто участвовал в праздничных мероприятиях в 1955 г., могли возразить, что эти мадьяры были язычниками и как таковые «полностью отличались» от других людей. Но важно помнить, что западные христиане в IX, X и даже более поздних веках имели корни в «языческой» древней и варварской почве, что отчасти объясняет их жизненную силу. «Варварская» – вот единственное слово, которым можно описать ситуацию, с которой Оттону I пришлось иметь дело в Риме. Век кровавых боен был возведен убийством в 882 г. папы Иоанна VIII, который с большой энергией боролся с сарацинами. Один из его родственников дал ему выпить яд, а затем прикончил его молотком. Атмосфера пропитана первобытной свирепостью кровавой клановой войны, прославляемой в скандинавских сагах и «Песни о Нибелунгах» (в своей самой ранней форме является продуктом битвы у реки Лех и ее последствий) и, если уж на то пошло, в пьесах Шекспира, великого мемуариста и завоевателя наших европейских Средних веков.

Ульрих Аугсбургский, как рассказывает нам его друг и биограф, пришел в епархию, в которой духовенство пребывало в упадке: священники разрешали совершать языческие обряды, которые процветали в сельской местности без ограничений, и сами принимали в них участие. Но можно посмотреть на это и по-другому: очарование и свет, исходивший от Оттона Великого и его верного слуги Ульриха, возникли благодаря слиянию в их личностях архаичного и нового, дохристианского и христианского. В этом таится истинное очарование, непреодолимая сила и глубинная привлекательность культуры Оттонов. Епископ Ульрих, военачальник и священник, правил своими людьми трезво, обладая суровым чувством справедливости; он доброжелательно относился к Богу и своей семье, к своим домочадцам и епархии; он получал удовольствие от пиров и празднеств и всегда помнил о чести, полагающейся ему благодаря его благородному происхождению. Именно забота об этой чести и ранге своего рода побудила восьмидесятилетнего Ульриха с одобрения Оттона сделать своего племянника Адальберта преемником в епархии еще при своей жизни, что вызвало серьезное неудовольствие других германских епископов. В лице Оттона Ульрих имел короля, в котором переплелись «языческие» и христианские элементы, как в романском скульптурном орнаменте или в инициалах, написанных великими книжниками-просветителями эпохи Оттонов.

Рассказ Видукинда о поведении Оттона в бою у реки Лех полностью созвучен с этим слиянием в одной личности языческого и христианского. Оттон знал, что в этом бою на кону стоит его спасительная сила как короля. Ее исход должен был доказать, действительно ли он так силен и могуществен, чтобы обеспечить мир своему народу, обильные урожаи земле, славу и бессмертие своим воинам. До самого начала сражения его королевская сила все еще была под сомнением и находилась под угрозой серьезных конфликтов с его ближайшими сородичами и мятежными племенными герцогами. Чтобы убедиться в этом, Оттон призвал к себе на помощь все спасительные силы, которые он знал: святого Лаврентия, которому утром перед сражением он пообещал посвятить Мерзебургское епископство; архангела Михаила – знаменосца империи и небесных воинств, боевые знамена которого пульсировали божественной энергией; святого Маврикия, копьё которого король нес в этом бою, тем самым связывая себя напрямую со спасительной энергией, которая исходила от Христа-завоевателя. Святой Маврикий был покровителем города Магдебурга, который Оттон позднее превратит в «столицу германского востока» в процессе использования возможностей, открывшихся после битвы у реки Лех; и он же стал святым – покровителем проводимой Оттоном политики на востоке.

Как только Оттон вооружился для решающего сражения всеми ресурсами, которые «высшие и святые друзья Бога» предоставили в его распоряжение, всемогущие небесные силы привели подкрепления в виде счастливого сотрудничества сил природы – дождя, который прошел ночью и расстроил злонамеренные планы врага, а безоблачное небо и солнечный свет на заре дали «божьему народу» надежду и уверенность. Связь между хорошей погодой и дарующей

жизнь силой помазанника Божьего продолжала существовать в умах людей до времен императора Франца Иосифа (как «погода в день рождения императора»). Франц Иосиф унаследовал свой титул «его апостольское величество» от королей Венгрии, власть которых восходила к временам, когда хватка совершавших набеги кочевых вождей над мадьярами была наконец уничтожена: самого могущественного из этих вождей по имени Булчу Оттон I приказал повесить на поле боя в качестве акта десакрализации.

Священная власть самого Оттона, к которой Видукинд присоединяет слова, пришедшие из древности: *divinus animus, caelestis virtus, fortuna, constantia, virtus*, была доказана его победой на поле боя. В конце, как рассказывает Видукинд, его люди провозгласили его императором. «Это была победа в сражении, которое дало императору его титул, так как в царстве этнологии (наука, изучающая состав, происхождение, расселение и культурно-исторические взаимоотношения народов мира. – *Пер.*) всегда именно битва, а не происхождение определяет божественный вердикт... сакральное значение победы в сражении отпечатало на руководящей должности императора ее военное происхождение и харизматический характер» (Г. Бойман). Сразу же после сражения началось празднование победы – сакральный пир, объединяющий живых и погибших в общей торжественной церемонии в память о битве. Эта церемония, как пишет монах Видукинд, была проведена *secundum errorem paternum*, то есть в соответствии с «ложным» обычаем язычников-предков.

Известно, что язычники-венгры или, скорее, их праотцы вступали в контакт с христианством самое позднее с VI в. На момент сражения у реки Лех два самых могущественных мадьярских вождя Дьюла и Булчу уже были христианами. Дьюла, который действовал в регионе реки Тиссы, завез к себе греческих священников и монахов для обращения своего народа в христиан. Булчу, как и Дьюла, был крещен в Константинополе и получил высокий и почетный титул патриция Византийской империи. Также фактом является то, что за несколько десятилетий до этого венгры имели обыкновение вступать в союзы с германскими магнатами, особенно баварскими. Еще в июле 955 г. мадьярское посольство напомнило Оттону о «давней дружбе» между венграми и германцами.

Наложение в современном венгерском языке слов болгарского, славянского и греческого происхождения вместе со словами, заимствованными из церковной латыни, является доказательством напряженных отношений в этот начальный период венгерской истории, когда Византия и Рим боролись за кулисы за главенство над этой ничейной восточноевропейской землей, определяя ее судьбу на следующую тысячу лет. Неотъемлемой частью этого процесса было перемалывание национальных славянских церквей под давлением, с одной стороны, германцев, а с другой – византийцев.

В этом и была трагедия Балкан, что консолидация Германии при Оттоне I произошла в то время, когда военная деятельность Византии тоже достигла своего апогея. В 960–961 гг. (когда Оттон I строил планы развития Магдебурга) Роман II отнял Крит у арабов, которые удерживали его с 823 г. Его преемники оккупировали Киликию и Кипр, и к тому времени, когда эта македонская династия угасла (1028 г.), ее агрессивная политика расширила сферу влияния Византии до самой Армении. В Европе у византийских империалистов были три завоевательные цели: Балканы, венгры с моравами и, наконец, Русь. Превосходящая мощь Византии, которая сокрушила Болгарскую империю на Балканах, в X в. подвела даже Западную Европу под сферу своего внушительного влияния. В X в. английский король будет называть себя в своих хартиях императором, а приблизительно с 930 г. уже принимаются греческие титулы, такие как василевс и монарх (очевидно, чтобы указать на превосходство над *reguli*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.